

Яковлева Г. Н.
АНОНИМНАЯ КУЛЬТУРНО-БЫТОВАЯ АНКЕТА ЦБ ПРОЛЕТСТУДА ЦСПСБ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БЕЛОРУСИЗАЦИИ КОНЦА 1920-Х ГГ.

В августе 1923 г. при ВЦСПС была создана особая общественная организация пролетарского студенчества – Пролетстуд во главе с ее Центральным Бюро (ЦБ Пролетстуда). Постепенно возникла выстроенная по вертикали централизованная структура: Пролетстуд со своим ЦБ – его республиканские и краевые организации – областные и городские отделения – низовые вузовские профсоюзные секции. С включением Витебской губернии в состав БССР в 1924 г. профсоюзные организации учебных заведений региона стали подчиняться Витебскому городскому бюро пролетарского студенчества, руководимому ЦБ Пролетстуда при ЦСПСБ в Минске. В начале 1929 г. проводилось всебелорусское обследование студенчества учебных заведений БССР. В его рамках студентам вузов, техникумов и рабфаков была предложена анонимная культурно-бытовая анкета ЦБ Пролетстуда ЦСПСБ. В Витебске на анкету отвечали студенты ветеринарного института, витебского рабфака и пяти техникумов: художественного, белорусского педагогического, еврейского педагогического, кооперативного и политехнического. Предварительные итоги анкетирования обсуждались на III Пленуме ЦБ Пролетстуда ЦСПСБ в июне 1929 г. Позже результаты анкетирования обсуждались на студенческих профсоюзных собраниях и вырабатывались меры для преодоления выявленных недостатков.

А весной 1929 г. по мере обработки анкет их обобщенные данные Комиссия по проведению обследования прислала в Витокружком КП(б)Б. Эти материалы отложились в Государственном архиве Витебской области и стали основой для анализа и ряда выводов о витебском студенчестве конца 1920-х гг. Анкета называлась культурно-бытовой, но значительная часть предложенных студентам вопросов носила политико-идеологический характер. Именно по этим вопросам была приложена подборка выдержек из анкет, которые содержали в основном критические замечания студентов о работе студенческих общественных организаций, о недостатках в работе преподавателей, оценивался уровень демократии и реализации самокритики в их учебных заведениях. Одним из вопросов был такой: «Твое отношение к национальной политике и в частности к белорусизации». Цитаты приводились на белорусском и на русском языках. Мнение студентов по этому вопросу и будет проанализировано в данной статье с учетом специфики источника.

Несомненно, значительная часть студенчества Витебска положительно воспринимала политику по национальному вопросу, проводимую в БССР. «По вопросу об отношении к национальной политике все, за исключением 2-3 анкет, приведенных выше, высказывают согласие и необходимость проводимой политики», – писал о студентах витебского рабфака председатель комиссии по проведению всебелорусского обследования студенчества учебных заведений Гурвич [1, л. 411]. Отрицательные мнения, в данном случае, объяснялись исключительно личными затруднениями в изучении языка: «Трудно учить два языка, надо бы учить либо русский, либо белорусский», – писал еврей-рабфаковец. «Мне кажется, совсем не нужно было вводить бел. язык, потому что условия белорусизации действуют на мою психологическую жизнь. В таких letech возможность изучения бел. языка очень затруднена, если бы была возможность другой раз народиться» [1, л. 410, 410об.]. О поддержке национальной политики свидетельствуют следующие высказывания студентов разных учебных заведений: «Очень хорошие. Читаю белорусскую культуру с большим интересом». «Мы должны серьезно относиться к белорусизации, поскольку мы живем в БССР, где для большинства населения это родной язык». «До того времени, пока не прочитал тов. Кнорина «О решающих мелочах», думал, что над городским населением делается насилие, однако сейчас знаю, что почему-то необходима обязательная белорусизация, даже теперь лучше белорусизируюсь», – отмечали студенты еврейского педтехникума [1, л. 412об.]. «За белорусизацию – душой и телом», – высказался студент кооперативного техникума [1, л. 407об.]. Поддерживали белорусизацию и студенты художественного техникума. «Отношение к нацполитике хорошее. А в отношении к белорусизации раньше было не очень хорошее, а потом улучшилось» [1, л. 286.] «Белорусизацию считаю необходимой, но и сам как-то начинаю русифицироваться, из-за того, что почти все преподаватели русские и много студентов». «Не удовлетворяет то, что в белорусских городах газеты печатаются на русском языке» [1, л. 286].

Некоторые студенты, в целом принимая белорусизацию, считали, что в ее проведении наблюдались элементы принуждения. «Белорусизация должна проходить добровольно, а не под принуждением» [1, л. 407об.]. «Каждая нация должна иметь свободу во всех отношениях, но у нас плохи дела с белорусизацией. Белорусский язык навязывается населению», – считал белорус из служащих. «Безусловно, нации все равны, однако государство не должно принуждать учиться на родном языке, несмотря на то, что он государственный», – таково мнение студента-поляка. «Всякое принуждение считаю ненормальным явлением, в частности, белорусизацию». «Очень недолюбливаю

белорусизацию, правда, она необходима, но обелорусифицировать нельзя, это должно постепенно укореняться, чего не видим по факту», – писал студент-белорус [1, л. 286]. «Сам белорус и считаю очень приемлемой нац. политику партии, но считаю иногда чрезмерным увлечение вопросами «борьбы с антисемитизмом», переходящим границы и принимающим окраску «еврейского шовинизма» [1, л. 407об.]

Однако было много и отрицательных ответов. Часто респонденты обосновывали отрицательное отношение к белорусизации негативной характеристикой языка. Комсомолец-еврей из кооперативного техникума писал: «Проведение белорусизации я не считаю шагом вперед к национальной политике. Надо сближать национальности вокруг одного настоящего языка, а мы взяли давно умерший язык и теперь оживляем. Я вижу в этом трату лишних средств на издание белорусской литературы. ЦИК, Академия Наук, наркоматы – уничтожители общественных денег. Детям все равно, как их учат, по-русски или по-белорусски. Белорусский язык живет только у 10-30 старичков деревни, а не 7 миллионов населения. Другое дело в Узбекистане, Туркестане, на Кавказе, где русский язык не жил даже в высших классах. У нас русский язык живет более чем у 95 % населения Беларуси (Минской, Витебской, Могилевской губерний). Даже еврейский язык, ничего общего не имеющий с русским, умер на 50%, а молодежь уж лучше говорит на русском, чем на жаргоне. Ошибки на белорусском, но агитаторы за белмову пишут хуже меня». [1, л. 407об.]

По официальным данным на ноябрь 1929 г. белорусизация охватила 95 % студентов белорусского педтехникума, где учились в основном белорусы – выходцы из деревни [2, л. 91]. Однако здесь оказалось много критических высказываний о языке, хотя и написанных по-белорусски. «Я лично против белорусизации, т.к. этот язык почти что погиб. Теперь говорят на нем близ Минска, а большинство его не знает и ученикам приходится использовать искусственно, считаю совсем это лишним», – сетовал студент из крестьян [1, л. 415об.]. «Считаю, что бесполезное дело, т.к. невозможно современному культурному человеку выражать свои мысли на этом языке времен Литовско-Белорусского княжества», – писала белоруска из служащих [1, л. 415]. «Национальную политику считаю необходимой, однако все же к белорусскому языку отношусь враждебно, объясняется это грубостью языка», – таково мнение студента, указавшего, что он белорус из крестьян. Ему вторит его коллега: «Дело в том, что белорусский язык очень неприятен для выразу как ученому человеку». «Выступаю против белорусизации, т.к. это есть искажение языка здорового и чистого. Белорусизация – это язва в Советской стране», – категорична комсомолка-белоруска из крестьян [1, л. 415об.]. «Поскольку белорусский язык в деревне не такой, на каком мы говорим, и от него отказывается все население, в частности крестьянство, то его не надо», – считал студент-крестьянин. «Национальной розни быть не должно, но белорусский язык не хлеб, можно без него», – написала студентка-белоруска. «Не совсем понимаю, зачем мне изучать белорусский язык, если я знаю русский», – таково мнение опять-таки студентки из крестьян [1, л. 415об.]

Сложным было отношение к белорусизации в политехникуме. Это чувствовалось и по достаточно большому количеству ответов в анкете. Многие отмечали, что обучение на белорусском языке нерационально, т.к. на нем нет учебников и технической литературы. «Нацполитика – это правильная политика, она необходима. Но проводить белорусизацию в наших условиях, в нашем техникуме, когда нет ни одной технической книжки на белорусском языке и очень мало даже на русском. Это вещь очень нецелесообразная и работа непродуктивная». «Плохие, потому что белорусский язык каждый год изменяется, поправляется, и в математике и технических учебниках неприменим». «Национальная политика советской власти правильная. Белорусизация в специальных и высших учебных заведениях не нужна, она мешает занятиям». «Поддерживаю нац. политику советской власти, но против обязательности для всех белорусизации. Более целесообразно было бы во всех учебных заведениях (особенно технических) обратить большее внимание на язык культурных стран (нем. англ.), у которых можно было бы этим путем отобрать культуру и догнать технику». «Зачем тратить силы на возрождение того, что давно уже похоронено. Лучше было бы и легче принять хотя бы русский язык. Меньше было бы недовольства со стороны крестьянства», – писал белорус из крестьян. [1, л. 402]. Другой аргументировал так: «Белорусский язык знать надо, преподавать как предмет, но учиться надо на русском, который гораздо лучше понимают 99% студентов и учебники на русском языке [1, л. 404об.]. «Я считаю необходимым обратить внимание на развитие каждой национальности, но не вижу смысла в том, что принуждают учить бел. язык всех, он всем не нужен. Особенно нам, работникам фабрик и заводов. На производстве Беларуси мало белорусов и те языка не понимают. Рабочие бел. язык не любят и их не надо принуждать». Студент-еврей, кандидат в члены партии свою точку зрения обосновал политически, увидев следы белорусского национализма. По его мнению, белорусизация необходима. Однако в языке искусственно выдумываются слова, особенно научные, которые белорусский народ не понимает и складывалось впечатление, что они вводятся, чтобы отделить белорусский язык от других языков, предлагал «дать отбой тем,

кто хочет руками и ногами откреститься от русского языка и литературы и придать всему «беларускі нацыянальны твар». «Нам на тот язык, на каком родился Октябрь, на каком говорит лучшая часть рабочего класса и партии нельзя «махнуть» руками» [1, л. 402]. Он же увидел под лозунгом коренизации антисемитские нотки («мало белорусов, много евреев»). В другой анкете косвенно прозвучала критика практики зачисления еврейских детей в школы на идише, хотя родители хотели отдать детей в русскоязычные учебные заведения. «Нужно свободное развитие культуры и языка каждой национальности, но отнюдь не насильно заставлять человека учиться на том или ином языке при поступлении в школу» [Там же]. Один из авторов анкеты предлагал «создать еврейскую социалистическую советскую республику на Юге России, такую же какую имеют белорусы, украинцы, грузины. Лучше всего было бы создать республику на Одесчине с политическим центром в Одессе. Биробиджан хорошо, но не очень» [1, л. 402]. Евреи-студенты из других техникумов указывали, что ощущают элементы антисемитизма как со стороны студентов, так и преподавателей. Характерно, что как недостаток определялось то, что с антисемитизмом слабо боролись, что надо активнее вести разъяснительную работу о сути проводимой национальной политики [1, л. 417]. Наказывая за антисемитизм, сначала исключать из комсомола, и только как крайнюю меру – из учебного заведения.

Ощущались проблемы в межнациональных отношениях и со стороны белорусов. «Национальной розни и враждебности не имею, белорусизации очень сочувствую. А что сказать насчет евреев, то они очень свободно себя чувствуют, за их заносчивость белорусы их презирают. Чуть что – зовут антисемитами» [1, л. 415об.] «Относительно евреев имею некоторое недовольство, ибо примечаю за ними недобрые отношения к белорусам». «Не могу терпеть жидов, а почему – это длинный разговор», – написала студентка из рабочих. «По-моему, нац. политика – буза, зачем антисемитизм, он же настоящий жид» [1, л. 415]. «Белорусизация – дело необходимое, однако почему-то крестьянство очень обижается на 90 с гаком процентов. Мне кажется, что плохо то, что теперь обострилось дело по борьбе с антисемитизмом. Население очень недовольно», – считал студент-крестьянин [1, л. 415об.]. «Никогда не была антисемиткой, но после случая в техникуме, когда исключили ребят, что они по дурости и некультурности своей сказали «жидовская морда», дравшись за койки в общежитии и вообще ругаясь, так это было вспомнено в докладе об антисемитизме. И 2 парня вылетело из техникума, так что появляется нетоварищеское чувство, что если ты поругаешься немного с евреем, то он может заявить, что его назвали жидом, чего и не было, и ему дают веру, а тебе крышка», – комментировала белоруска из художественного техникума [1, л. 286]. «Жида не дают слово сказать, чтобы не придраться к антисемитизму; говорят из принципа друг с другом по-жидовски, всячески осмеивая русских» [1, л. 295].

Много проблем с языком было и среди преподавателей. Некоторые из них высказывались против перевода преподавания на белорусский язык еще раньше. В русском великодержавном шовинизме был обвинен известный ученый А.Н. Макаревский, профессор ветеринарного института, созданного в 1924 г. В конце февраля-начале марта 1927 г. состоялся III съезд научных работников республики. На нем в своем выступлении профессор Макаревский в частности сказал: «Доклад Криницкого не произвел на меня глубокого впечатления ... Я не дал бы свой учебник печатать на белорусском языке. Докладчик загнал нас в узкое русло, куда не повернешься, попадешь во враждебное положение. Не надевайте узкой Узды на нас. Я довольно стар и никогда меня не принудите по-белорусски читать. Чемоданы могут быть укладываемые, просто надо что-нибудь делать, когда ничего не выходит». За «русификаторский уклон» в ряде выступлений на съезде он был заклеен как великодержавный шовинист. Затем руководимая им профсоюзная организация преподавателей института заняла позицию, отличную от мнения администрации института (по отношению к ВАРНИТСО¹, избранию новых академиков-коммунистов в Академию Наук). Сам профессор выступал против поддержки требования высшей меры наказания по Шахтинскому делу как формы давления на суд, не поддержал идею 100% участия сотрудников института в перечислении целого месячного заработка в фонд индустриализации. В феврале 1929 г. витебская газета «Заря Запада» в статье «Загнушія корані старой інтэлігэнцыі» определила его как реакционера, враждебно настроенного против советской власти [3, л. 25об.]. Появился даже термин «Макаревщина» как символ тенденций великорусского шовинизма и всего реакционного и антипролетарского в среде старой интеллигенции. А.Н. Макаревскому пришлось уйти из института. Отсюда такое повышенное внимание к институту, взглядам и мнениям его студентов. Хотя о принуждении к изучению отмечали почти во всех учебных заведениях и многие характеризовали белорусский язык как умерший, ответы студентов по белорусизации именно ветеринарного института были учтены и даже цитировались в партийных документах («заставляют белорусов белорусизироваться», «белорусский язык мертв») [2, л. 92]. За недостатки в проведении политики белорусизации Бюро ЦК КПБ объявило выговор партийной ячейке

¹ Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР (ВАРНИТСО) – организация, созданная в октябре 1927 года.

института осенью 1929 г. [2, л. 146]. А в июне 1930 г. ход белорусизации был проверен в ветинституте снова. Был сделан вывод, что по сравнению с прошлым есть перелом в этом направлении, на что повлияло разоблачение и удаление из института «Макаревщины», хотя отрывки ее еще остались. Констатировалось, что 70 % студентов белорусский язык знают, но в учебном процессе используют недостаточно, а в частных разговорах не используют вообще. Профессорско-преподавательский состав язык не знает или знает слабо и почти не использует. Со стороны студентов и преподавателей нет решительности в быстром переходе на белорусский язык [2, л. 63]. Приводились примеры «разного рода шовинизма и национал-демократизма», с которыми надо было бороться и заниматься воспитательной работой с национальными меньшинствами, составлявшими 26% студентов. «Член партии студентка Давидовская не позволяла студентам-полякам разговаривать на родном языке и говорила, что на польском можно разговаривать в коридоре». Бывшие студенты Лившиц и Рабкин часто «обзывали белорусов мужиками». Комиссии по расследованию их поведения один из них сказал, что белорусов он себе представляет только как мужиков. Нашелся уже и сторонник «нацдемовщины»: «Преподаватель белорусоведения Богданович во время преподавания говорил о Евфросинье Полоцкой и т.д. и имеет ориентацию на запад. В его преподавании нет настоящего пролетарского содержания, не отражено социалистическое строительство и руководящая роль пролетариата» [2, л. 63об.]. Предполагалось перевести на 100% преподавание на белорусском языке к началу учебного года, и особенно следить за использованием языка не только в документации или преподавании, но и повседневной жизни.

Великорусский шовинист нашелся и в политехническом техникуме. В нескольких анкетах студенты определяли преподавателя Павлова как контрреволюционера, на лекциях проповедующего свои реакционные взгляды. Он не только выступал против пролетаризации образования, говоря, что надо принимать учиться не только детей рабочих и крестьян, но и детей торговцев, дворян, интеллигенции, но высказывался и по поводу белорусизации. Так, он утверждал, что «белорусы и украинцы – выдуманные нации» [1, л. 403]. «По идеологии это «бывший человек». Надеется нас на занятия Польшей Белоруссии, против классовой линии советской власти и пытается нас на лекции пропагандировать в этом духе». «Инженер Павлов выступает против белорусизации, говоря, что это только для политики, чтобы показать Польше и т.д.» [1, л. 403]. Газета «Заря Запада» в той же статье «Загніўшыя карані старой інтэлігэнцыі» писала о Павлове как о настоящем великорусском шовинисте, пытавшемся влиять на студентов. Он говорил, что белорусский язык ввели для того, чтобы эту часть Беларуси пришлось отдать Польше [4, л. 25об.].

Ответы студентов анонимной анкеты на вопрос о белорусизации были проанализированы на окружном и центральном уровне. И хотя уровень белорусизации ветинститута и политехнического техникума бы одинаков – 30%, и был признан слабым, выговор по партийной линии получила только партячейка института. Объяснялось это, вероятно, и разницей ситуации в этих учебных заведениях, и тем, как воспринимали и характеризовали в анкетах сами студенты своих преподавателей. Белорусизация остальных техникумов была признана недостаточной. По учебным заведениям проводились собрания студентов, митинги, диспуты, заседания профактива, на которых обсуждались итоги анкетирования и вырабатывались меры по преодолению выявленных недостатков.

Таким образом, анонимные культурно-бытовые анкеты ЦБ Пролетстута при ЦСПСБ позволяют увидеть срез общественного мнения студенческой молодежи Витебска по вопросам национальной политики и их аргументацию положительного, отрицательного или неоднозначного отношения к белорусизации образования, еще продолжавшегося в 1929/ 1930 г.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 736.
2. ГАВт. – Ф. 118. Оп. 1. Д. 524.
3. ГАВт. – Ф. 2289. Оп. 2. Д. 95.

Акимченков В. В. ЭГО-ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА КРЫМСКОЙ АССР

Одной из наиболее перспективных задач в деле изучения общественно-культурной жизни Крыма в 20–30-е гг. XX в. является концептуализация интеллектуального ландшафта и социальной структуры крымского научного сообщества. В современной российской историографии предпринимаются серьезные попытки восстановления объективной картины развития научной мысли на полуострове в первые десятилетия советской власти. Наиболее удачными в этом направлении следует считать наработки представителей научной школы истории крымоведения. В частности, био-историографические исследования докторов исторических наук У. К. Мусаевой [5–6] и